

Лингвистические аспекты юридической техники (на примере функционирования слова «заведомо» и конструкции «знал или должен был знать» в Гражданском кодексе РФ)

Ю. В. Донскова

*Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова
(Сеченовский университет)*

ул. Садовая-Кудринская д. 3 стр. 1, 123242, Москва, Россия. E-mail: donskova.expert@yandex.ru

Статья посвящена одному из прикладных направлений лингвистики – юридической лингвистике, в частности, герменевтическому аспекту. В центре внимания – функционирование языковых единиц в юридическом дискурсе, а также лингвистические аспекты юридической техники. Связано это с тем, что последняя включает в себя не только собственно юридические, но и лингвистические аспекты, поскольку язык является средством выражения тех или иных явлений, а критерии точности, непротиворечивости, доступности для понимания неспециалисту являются важными элементами юридической техники. Предметом лингвистических наблюдений является функционирование лексемы «заведомо» в русском юридическом дискурсе. В статье обращается внимание на характер употребления лексемы «заведомо» в Семейном и Гражданском кодексах РФ. Но особое внимание уделяется редакциям ст. 174 ГК РФ («Последствия нарушения представителем или органом юридического лица условий осуществления полномочий либо интересов представляемого или интересов юридического лица») и вопросу изменения толкования в зависимости от наличия/отсутствия данной лексемы. В статье анализируются точки зрения специалистов в области юриспруденции (В. А. Белов, О. В. Берг, К. А. Горбатов, С. Л. Будылин) на вопрос о том, насколько значимо наличие/отсутствие данной лексемы в тексте указанного закона, а также причины редакции ст. 174 ГК РФ. Чем обусловлена такая редакция закона, претерпевает ли он в связи с этим существенные смысловые изменения, какова семантика и функция слова «заведомо» в русском юридическом дискурсе, какие лингвистические аспекты юридической техники законодательного акта следует учитывать в подобных случаях, какие внешние факторы могут влиять на язык закона. При подробном рассмотрении семантики лексемы «заведомо» обращается внимание на то, что в связи со ст. 307 УК РФ («Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод») произошла юридизация данной лексемы. Анализ контекстов использования лексемы «заведомо» в русском юридическом дискурсе показал, что чаще всего она употребляется в составе следующей конструкции «знал или должен был знать». В связи с этим рассматривается юридически обязывающий оттенок модальности долженствования. На примере лексемы «заведомо» и предикативов долженствования («должен») и возможности («мог») анализируются проблемные аспекты калькирования англоязычных конструкций («aware or must have been aware») в русском юридическом дискурсе, а также поднимаются вопросы лингвистической экспертизы юридических текстов.

Ключевые слова: юридическая техника, юридический дискурс, лингвистическая экспертиза, лексическая семантика, модальность.

Linguistic Aspects of Legal Writing (Case Study of the Word “Zavedomo” and Phrase “Znal ili Dolzhen Byl Znat” in the Civil Code of the Russian Federation)

Y. V. Donskova

I. M. Sechenov First Moscow State Medical (Sechenov University)

3-2 Sadovaya-Kudrinskaya str., 123242, Moscow, Russia. E-mail: donskova.expert@yandex.ru

The article discusses one of the research areas of applied linguistics – legal linguistics, in particular, its hermeneutical aspect. Our focus is on the functioning of language units in the legal discourse, based on the fact that the latter includes not only merely legal but also linguistic aspects because the language is a means to express certain phenomena, and the criteria of accuracy, consistency, comprehensibility for a non-specialist are important aspects of law drafting methodology. The subject of linguistic study is the functioning of the lexical unit *zavedomo* in the Russian legal discourse. The article points at the nature of usage of the lexical unit *zavedomo* in the Family Code and in the Civil Code of the Russian Federation. Special attention is paid to the wordings of Article 174 of the Civil Code (“Consequences of failure by a representative or a body of a legal entity to meet the conditions regulating the discharge of authority or interests of the represented or of the legal entity”) and to potential changes in interpretation subject to this lexical unit presence / absence. The article analyses the viewpoints of law experts (V. A. Belov, O. V. Berg, K. A. Gorbatov, S. L. Budylin) as to how significant the presence / absence of this lexical unit in the text of the above-mentioned law is, and also as to the reasons behind the wording of Article 174 of the Civil Code, the rationale behind the wording, and whether the meaning of the law undergoes any material changes because of it, as to the semantics and the function of the word *zavedomo* in the Russian legal discourse, and what linguistic aspects of law drafting methodology should be taken into account in such cases, and also what external factors may have an impact on the language of laws. The article includes a detailed discussion of the semantics of the *zavedomo* lexical unit, and emphasises the fact that the *zavedomo* lexical unit has become juridified under the influence of Article 307 of the Criminal Code of the Russian Federation (“Wilfully false testimony, expert / specialist opinion or mistranslation”). The analysis of contexts where the *zavedomo* lexical unit is used in the Russian legal discourse has showed that it is most frequently used as part of the structure *znal ili dolzhen byl znat*. Hence, we consider the legally binding type of obligation modality. In the case study of the *zavedomo* lexical unit and predicates of obligation (“must”) and possibility (“could”), we analyse challenges of copying English structures (“was aware or must have been aware”) into the Russian legal discourse, and also raise issues of linguistic examination of legal texts.

Key words: legal writing, legal discourse, linguistic expertise, lexical semantics, modality.

Постановка проблемы

Язык права имеет не только устную составляющую, которую традиционно связывают с судебным красноречием, но и письменную, в сферу которой попадают законодательные акты и другие виды правоустанавливающих документов. Требования к составлению юридических документов диктуются юридической техникой. Существуют различные подходы к определению объема данного понятия. Если исходить из широкого понимания, то юридическую технику можно рассматривать как коммуникативную систему в юридической среде [Александров 2000: 101]. В узкоспециальном смысле под юридической техникой понимается «система профессиональных юридических правил и средств, используемых при составлении правовых актов и осуществления юридической деятельности в сферах правотворчества, правоинтерпретации, властной и невластной реализации права, обеспечивающих совершенство его формы и содержания» [Баранов 2015: 42].

Поскольку явления права облакаются в слова естественного языка, и юристы, и лингвисты безоговорочно включают языковые требования в основной инструментарий юридической техники. Юристы несколько расходятся в своих оценках относительно того, какой критерий – точность или ясность – должен занимать главенствующую позицию. Т. В. Кашанина придерживается точки зрения, что отсутствие ясности может привести к полной или недостаточной ясности или двусмысленности, что в свою очередь влечет за собой ошибки, злоупотребления и судебные споры [Кашанина 2011: 131]. С. Д. Бражник и Н. Н. Касаткина считают, что первый из названных критериев должен доминировать: «точность – это соответствие текста статьи мысли законодателя, а ясность – это адекватное восприятие читающим смысла, заключенного в тексте статьи» [Бражник, Касаткина 2014: 11]. Этой же позиции придерживается Е. Г. Мирошников и полагает, что приоритетным должен быть критерий точности, хотя исследователь подчеркивает, что соответствие текста юридического документа обоим критериям «позволит максимально исключить произвольное толкование и ошибки в реализации» [Мирошников 2000: 220]. С. А. Белов и К. В. Тарасова говорят о критерии понятности текстов для участников правовой коммуникации, что должно обеспечивать понимание их прав и обязанностей [Белов, Тарасова 2019: 612]. При этом юристы единодушно высказывают следующее мнение: нарушение критериев языковой точности, ясности или понятности ведет к угрозе правовой безопасности.

Лингвисты придерживаются следующих позиций относительно лингвистических аспектов юридических текстов. По мысли К. И. Бринева, язык права должен отвечать таким требованиям, как «ясность, точность, непротиворечивость и понятность для рядового гражданина» [Бринева 2016: 102]. Однако особо нужно выделить позицию Н. Д. Голева – в критериях правильности, точности и ясности он видит проявление антиномии. Связано это с тем, что «данные требования предъявляются разным субъектам правовой коммуникации – автору и отправителю текста (законодателю) и получателю (законопослушным гражданам или работникам правоисполнительных органов). <...> правильность и точность есть свойства опредмеченной в тексте иллокуции, а ясность (доступность) – свойство перлокуции» [Голев 2016: 133]. Вместе с тем вопросы точности и ясности языка закона являются составляющими более широкой проблемы – юридизации языка. Начало ее изучения в российской юрислингвистике положено кемеровской школой во главе с Н. Д. Голевым. Объектом исследования зачастую становятся тексты законов и кодексов, поскольку «наивысшая степень юридизации естественного языка происходит в законодательной сфере» [Маркова 2015: 88], но в поле зрения попадают и другие виды юридических текстов (жалобы, заявления, протоколы,

постановления и т. д.). Рассмотрение соотношения естественного языка и юридического в лингвистике происходит в разных направлениях: исследуется процесс юридизации естественного языка в зависимости от жанрово-видовой или концептуальной принадлежности текста; психологолингвистический аспект восприятия юридического текста. Ядром этой проблемы можно назвать собственно механизм перехода слова из общенародного в юридический язык, «приобретение тем или иным социальным явлением правового статуса. Для общенародного слова такой статус возникает, если оно становится юридическим термином – компонентом текста закона» [Голев 2018: 141].

Возвращаясь к понятиям точности и ясности, отметим, что современные законодательные тексты далеко не всегда отвечают данным критериям. Связано это с разными причинами, выделим лишь основные. Первая заключается в том, что некоторые области российского права, начиная с 1990-х годов, испытывали влияние законодательства зарубежных стран в силу появления в российской действительности явлений, относительно которых в российском законодательстве отсутствовали регулирующие правовые нормы, что требовало их введения. Все это приводило к заимствованию отдельных законодательных положений или терминов, в частности, из английского [Донскова, Попова 2017: 166] или немецкого права [Серебренникова 2017: 163-171]. Однако не всегда эти заимствования производились адекватным образом.

Вторая причина – это вносимые в разные редакции законодательного текста изменения, которые зачастую приводят к неоднозначному его пониманию. Исследовательские наблюдения (юридические и лингвистические) в этой области очень обширны как по каждой отрасли права, так и по отдельным законам.

Третья причина – это функционирование в русском юридическом дискурсе слов, не обладающих терминологическим значением, однако в силу «закрепления в юридическом документе или доктринальном источнике» [Баранов 2015: 201] прошедших процесс юридизации, а также проблема толкования конструкций с модальными предикатами со значением долженствования и возможности. К проблеме модальности в юридических текстах в последнее время возникает все больший интерес, о чем свидетельствуют работы, в которых рассматривается семантика компонентов долженствования на материале прескриптивных документов [Туганова 2018], кодексов профессиональной этики [Байдицкая, Сабурова 2015] и пенитенциарных инструкций [Голиков, Дружининская 2019]. Однако вопросы функционирования в законодательном тексте нетерминологических лексем наряду с модальными компонентами, а также вопросы проведения лингвистической экспертизы юридических документов, содержащих подобные элементы, пока не получили должного теоретического освещения.

В связи с этим целью данной статьи является исследование динамики смысловых изменений текста закона в разных его редакциях, а также вопросы соблюдения баланса «точность-ясность» законодательного текста и связанные с ними проблемы проведения лингвистической экспертизы законодательного акта. Методология исследования базируется на принципах семантического анализа текста, что позволяет определить функционирование лексемы «заведомо» в различных терминосистемах, а также принципах логического анализа языка, позволяющего выделить модальные рамки высказывания в конструкции, ядром которых является компонент «знал или должен был знать». Такой подход обусловлен тем фактом, что юридический язык возникает на основе естественного и подчиняется тем же законам (логика, грамматика, семантика), поэтому к его изучению применимы те же методы. Основным материалом исследования послужили Гражданский кодекс РФ (ст. 72, ст. 174, ст. 174.1, ст. 302, ст. 1197, ст. 1456, ст. 1549), а также для сопоставительного анализа были использованы материалы Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) и англоязычного законодательного и научного юридического дискурса.

Исследовательская часть

Лексема «заведомо» принадлежит различным пластам языка, что важно в свете проблемы юридизации. Так, в НКРЯ мы видим примеры употребления лексемы «заведомо» в поэтическом подкорпусе, первая фиксация в котором датируется 1846 годом (стихотворение Ап. Григорьева «В час, когда утомлен бездействием душно-тяжелым»). В газетном подкорпусе первое употребление фиксируется в 2010 году. В юридическом дискурсе лексема «заведомо» по данным НКРЯ фиксируется в трактате «О должности человека и гражданина по закону естественному» (1726) неизвестного автора в переводе С. Пуфендорфа. В непереводных текстах НКРЯ фиксирует появление лексемы «заведомо» в трактате В. Н. Татищева «Разсуждение о ревизии поголовной и касающемся до оной» (1733), а также в «Распросе в Сыском приказе воспитанника Гарнизонной школы у Варварских ворот Ивана Данилова сына Тареева» (1741).

Однако в последние два десятилетия лексема «заведомо» чаще всего ассоциируется в сознании говорящего с фразой «заведомо ложные показания» (ст. 307 УК РФ). Так, справочная правовая система «Консультант плюс» при поиске слова «заведомо» в качестве наиболее употребляемых выдает сочетания «заведомо ложный донос», «заведомо ложный вызов полиции», «использование заведомо подложного документа» и «заведомо ложные показания». Аналитическая система запросов Google Trends показывает, что искомая лексема наиболее часто встречается в запросах «заведомо ложный донос», «заведомо ложные показания», «дача заведомо ложных показаний». Из этого можно сделать вывод, что лексема «заведомо» приобрела устойчивый ореол принадлежности юридическому дискурсу.

Употребляется данная лексема в текстах Гражданского кодекса РФ (ст. 72, ст. 174, ст. 302, ст. 1197, ст. 1456, ст. 1549 и др.), однако ее функционирование имеет ряд особенностей. Наибольшее внимание специалистов в области юриспруденции привлекает ст. 174 ГК РФ. Именно в связи с толкованием отдельных ее положений в российском судопроизводстве сложилась такая противоречивая практика. На юридические аспекты, привносимые в текст указанной статьи наличием/отсутствием лексемы «заведомо», обращает внимание ряд юристов. Так, В. А. Белов [Белов 2006], О. В. Берг [Берг 2002] и К. А. Горбатов [Горбатов 2011] ставят вопрос о том, как следует толковать

выражение «заведомо должен был знать». При этом первый делает замечание о значении в нем лексемы «заведомо», указывая на то, что ее наличие не играет существенной роли в толковании статьи [Белов 2006: 13]. С. Л. Будылин обращает внимание на изменения в тексте статьи, отмечая, что в редакции 1994 г. лексема «заведомо» фигурирует, а в редакции 2013 г. она уже не используется [Будылин 2016]. Однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 при разъяснении содержания ст. 174 ГК РФ все еще оперирует двумя речевыми формулами, одна из которых содержит лексему «заведомо», а другая нет [Постановление 2015]. Отметим, что в ряде статей ГК РФ (ч. 1 ст. 72; ч. 3 ст. 253; ч. 2 ст. 1197; ч. 3 ст. 1202; ч. 3 ст. 1549) конструкция «знал или заведомо должен был знать» используется без изменений в различных редакциях. Относительно формулы «должен был знать» юристы, например А. Г. Карапетов [Карапетов 2018: 23], Д. В. Штефан [Штефан 2019] и другие, высказывают мнение, что из-за двоякого толкования она вызывает споры и приводит к вариативности при вынесении судебного решения.

Указанные выше противоречия в толковании ст. 174 ГК РФ говорят о необходимости лингвистического анализа лексемы «заведомо» и речевой формулы «должен был знать». В лексикографических источниках, таких как: толковые словари [МАС, БТС], словарь наречий и служебных слов [Бурцева] лексема «заведомо» либо не представлена отдельной словарной статьей, либо содержит отсылки к словарной статье прилагательного «заведомый». Поскольку наречие «заведомо» является производным от прилагательного «заведомый», то для установления значения обратимся к его толкованию. В словарях русского языка он фиксируется в значении «хорошо известный, заранее известный; несомненный» [МАС 1999: 500; БТС 2014: 312]. Для определения особенностей парадигматических отношений рассмотрим синонимический ряд. Так, «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (далее – НОССРЯ) обнаруживает лишь ее аналоги. Под последним понимается «лексема, которая относится к той же части речи, что и данная, и имеет похожее значение, но семантически отстоит от данной лексемы дальше, чем ее синонимы» [НОССРЯ 2004: XXIII]. В классификации указанного словаря «заведомо» выступает аналогом к словам, в частности, из следующих рядов:

а) «заранее, заблаговременно, загодя, наперед, предварительно» [НОССРЯ 2004: 365–369];

б) «намеренно, нарочно, преднамеренно, умышленно, сознательно, специально, целенаправленно» [НОССРЯ 2004: 593–597].

В первом ряду лексема «заведомо» ближе к контекстам, указывающим на «целенаправленные действия, которые совершаются для того, чтобы подготовить наступление каких-либо событий в будущем или, наоборот, избежать нежелательных событий» [НОССРЯ 2004: 372]. Во втором ряду лексема «заведомо» наиболее близка к «умышленно» и «преднамеренно», которые «употребляются в юридических текстах и в этом случае всегда связываются с отрицательно оцениваемыми действиями» [НОССРЯ 2004: 601]. Для определения значения лексемы «заведомо» в русском юридическом дискурсе и особенностей ее функционирования в нем, воспользовавшись методом трансформации, употребим в текстах ст. 307 УК РФ и с. 174 ГК РФ аналоги второго ряда, указанные выше. Очевидно, что в случае с первой статьей лексема «заведомо» наиболее близка к «умышленно» и «преднамеренно», которые подчеркивают тот факт, что характер действия был не ошибочным, а обдуманым и спланированным (Ср. «вынесение заведомо [преднамеренно / умышленно] неправосудного приговора, решения или иного судебного акта» - ст. 305 УК РФ). Это еще раз доказывает, что лексема «заведомо» является важным смысловым компонентом текста ст. 307 УК РФ. В случае со второй статьей («<...> что другая сторона в сделке знала или [намеренно / нарочно / преднамеренно / умышленно / сознательно / специально / целенаправленно] должна была знать об указанных ограничениях») нельзя не заметить, что произведенная замена неестественна. В то время как замена на аналоги первого ряда («<...> что другая сторона в сделке знала или [заранее / заблаговременно / загодя / наперед / предварительно] должна была знать об указанных ограничениях») будет адекватной.

Лексема «заведомо» в тексте ст. 174 ГК РФ в редакции 1993 г. указывает на признак ситуации, обозначенной во втором компоненте предиката «должен был знать». Отметим, что конструкция «знал или должен был знать» неоднократно употребляется как в текстах статей ГК РФ, так и в текстах юридической тематики. Приведем некоторые примеры последних из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ):

1. «Другими словами, недействительность сделки будет допустима исключительно тогда, когда *контрагент знал или должен был знать* об установлении для конкурсного управляющего ограничений на совершение сделок» [«Некоторые вопросы продажи имущества должника в ходе конкурсного производства» (2003) // «Арбитражный и гражданский процессы», 2003.11.24]¹.

2. В случае с движимым имуществом сделка может быть признана недействительной по требованию супруга по мотивам отсутствия у супруга, отчуждающего общее имущество, необходимых полномочий для этого, но только в том случае, если будет доказано, что приобретатель знал или должен был знать об этом (п. 3 ст. 253 ГК РФ, ч. [«Теоретические и практические проблемы распоряжения имуществом, находящимся в общей долевой и совместной собственности»] // «Арбитражный и гражданский процессы», 2003.11.24).

3. Суть их в следующем. Если кредитор обанкротившегося должника является банком, для оспаривания подозрительной сделки заявителю (арбитражному управляющему) все равно необходимо доказывать, что банк знал или должен был знать о критическом финансовом состоянии должника. [Анастасия Алексеевских. Банкам могут оставить деньги банкротов // Известия, 2014.04.24].

¹ Здесь и далее все примеры цитируются по Национальному корпусу русского языка. – Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru/> [Режим доступа — свободный].

Во втором компоненте предиката употребляются ментальный глагол «знать» и модальный глагол «должен». Первый относится к фактивным глаголам и в анализируемом высказывании реализуется в значении «иметь сведения о ком-, чем-либо» [БТС 2014: 271]. Лексема «знать» относится к группе слов, которые «служат для того, чтобы строить утверждения о наличии в сознании субъекта истинной информации о чем-либо, то есть информации о факте» [НОССРЯ 2004: 396].

Лексема «должен» в анализируемом высказывании реализуется в значении «обязан (делать что-либо, обладать каким-либо качеством)» [МАС 1999: 423; БТС 2014: 271]. Она также является модальным предикатом со значением долженствования и выступает в роли модального оператора. И. М. Кобозева и Н. И. Лауфер в классе предикатов «должен» выделяют одно из его частных значений – юридически обязывающее, которое выражается в формуле «Q – существование законов и органов охраны порядка (они же сила F), а зло – соответствующие санкции» [Кобозева, Лауфер 1991: 173]. Рассмотрим приведенные выше тексты ГК РФ, а также ст. 174 ГК РФ на соответствие формуле толкования предиката «должен» в юридически обязывающем значении. В приведенных выше контекстах Q – это существование обстоятельств в виде юридически значимых документов («договор»; «учредительные документы»), определяющих действие лица («покупатель», «продавец», «другая сторона в сделке»), в силу которых зло – это соответствующие санкции («сделка может быть признана судом недействительной по иску лица»; «продавец обязан возместить покупателю понесенные им убытки»; «дает покупателю право требовать уменьшения цены товара либо расторжения договора купли-продажи»; «расторжения договора доверительного управления имуществом и уплаты причитающегося ему по договору вознаграждения за один год» и пр.). Сделаем небольшую ремарку относительно конструкции с отрицанием: «хранитель, принимая ее на хранение, не знал и не должен был знать», где «не должен» = «должен не», т. е. у субъекта отсутствует необходимость знания, он не мог знать. Деонтическое значение необходимости в случае отрицательной конструкции подчеркивается и инфинитивом «знать» в форме несовершенного вида.

В своих рассуждениях относительно функционирования лексемы «заведомо» и семантики долженствования в ряде статей российского законодательства С. Л. Будылин обращается также к тексту п. 1 ст. 302 ГК РФ «Истребование имущества от добросовестного приобретателя», в которой используется конструкция «не знал и не мог знать»: «1. Если имущество возмездно приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не мог знать...» [Будылин 2016: 21]. Отметим, что конструкция с модальным оператором «мог» также употребляется в ряде других статей ГК, например, п. 5 ст. 1405 («не знало и не могло знать»). Для нас такое сопоставление является лингвистически значимым, поскольку в тексте указанной статьи используется модальный предикат «мог», выступающий в качестве модального оператора. В этом случае явно видна «асимметрия возможности и долженствования: *мочь* и *можно* широко употребляются в сфере иллокутивной модальности, а слова типа *должен, обязан, надо, нужно, необходимо*, равно как и их отрицания, показателями иллокутивной модальности не являются, только субъективной – деонтической» [Падучева 2014]. Здесь также поставим вопрос о возможности употребления в юридическом дискурсе лексемы «обязан» вместо «должен» в анализируемых нами конструкциях.

Для ответа на поставленные в начале статьи вопросы необходимо обратиться к английскому юридическому дискурсу (о степени и причинах его влияния на русский мы писали выше). В рассматриваемой нами ситуации можно говорить о влиянии английского юридического дискурса на русский и аналогиях на уровне синтаксиса: конструкция «знал или должен был знать» является аналогом характерной для английского юридического дискурса конструкции «was aware or must have been aware». Приведем некоторые примеры:

If misrepresentation was made by a third party then §123 II only allows annulment if the recipient of the declaration *was aware or must have been aware* of the misrepresentation [Selfton-Green 2005: 315] – Если неверные данные были представлены третьей стороной, то §123 II допускает аннулирование только в том случае, если получатель декларации *знал или должен был знать* о представлении неверных данных.

Misinformation is information which we consider to be incorrect, misleading or incomplete in view of the facts which you gave to the employee, or of which the employee *was aware or must have been aware*, regarding to particular circumstances [Code 2016: 691] – Ложные сведения – это информация, которую мы считаем неверной, вводящей в заблуждение или неполной исходя из фактов, которые вы передали работнику или о которых работник *знал или должен был знать* в отношении конкретных обстоятельств.

В приведенных примерах в роли модального оператора выступает глагол *must*, выражающий долженствование в силу обстоятельств. Однако в указанных контекстах в английском языке модальный оператор *must* имеет несколько иной оттенок долженствования: он выражает эпистемическую необходимость (субъект говорит о высокой степени вероятности ситуации).

Таким образом, в тексте анализируемой статьи в русском юридическом дискурсе модальный предикат «должен» реализует значение деонтической необходимости и уже содержит указание на обязательность (в случае утвердительного характера) или необязательность / отсутствие возможности (при наличии отрицания) действия, заложенного в ментальном предикате «знать». Все это отменяет необходимость употребления лексемы «заведомо» в тексте статьи 174 ГК РФ. Наличие равноправного употребления конструкций «заведомо должен был знать» и «должен был знать» в русском юридическом дискурсе свидетельствует, с одной стороны, о наличии языкового шаблона, связанного с употреблением прошедшей юридизацию лексемы «заведомо» в статьях Уголовного кодекса, с другой стороны, указывает на возможность калькирования иноязычной конструкции юридического дискурса. Последний фактор говорит о том, что процесс калькирования иноязычных конструкций с модальными глаголами в составе требует более строгого отбора аналогов при передаче на русский язык.

На примере лексемы «заведомо» отчетливо виден процесс перехода слова из обыденного языка в юридический, то, что называют «эволютивной юридизацией общенародной лексики» (терм. Н. Д. Голева). Об этом свидетельствует интерес со стороны специалистов в области права, а также фиксация юридического компонента значения в лексикографических источниках (НООСРЯ).

Отмеченные особенности функционирования лексемы «заведомо» и модальности долженствования в русском юридическом дискурсе вместе с тем указывают на следующую проблему – необходимость формулировки четких требований к лингвистическим параметрам законопроектов (которые к настоящему моменту отсутствуют в российском законодательстве). Существующий федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» не отражает всей полноты сфер и условий применения русского языка и, как отмечено в преамбуле, «направлен на обеспечение использования государственного языка Российской Федерации на всей территории Российской Федерации, обеспечение права граждан Российской Федерации на пользование государственным языком Российской Федерации, защиту и развитие языковой культуры» [О государственном языке 2005]. Иные нормативные документы, регулирующие данную сферу, дают лишь общие определения относительно юридического языка. Сущность лингвистической экспертизы законопроектов определяется в п. 7 ст. 121 Постановления Государственной Думы ФС РФ от 22.01.1998 N 2134-II ГД (ред. от 24.07.2018) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» следующим образом: «Лингвистическая экспертиза законопроекта заключается в оценке соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [Бражник, Касаткина 2014]. Методические рекомендации по проведению лингвистической экспертизы законопроекта не содержат подробных положений о принципах редактирования текста. Таким образом, возникает вопрос о необходимости выработки четких критериев по редактированию законодательного текста.

Литература

- Александров А. С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права / Проблемы юридической техники : Сборник статей. Н. Новгород, 2000. С. 101-108.
- Байдицкая Л. И., Сабурова Н. А. Деонтическая модальность и лингвистические средства ее репрезентации в кодексе профессиональной этики / Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. - 2015. - №5. - С. 105-110.
- Баранов В. М. Юридическая техника : курс лекций. Нижний Новгород, 2015.
- Белов В. А. К вопросу о недобросовестности налогоплательщика: Критический анализ правоприменительной практики. М., 2006.
- Белов С. А., Тарасова К. В. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. - 2019. - 10(4). - С. 610-625. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401>
- Берг О. В. Об отдельных вопросах признания сделок недействительными / Бюллетень нотариальной практики. - 2002. - № 6. - С. 43-45.
- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2014.
- Бражник С. Д., Касаткина Н. Н. Лингвистические (языковые) правила в законодательной технике / Юридические науки. - 2014. - № 3. - С. 10-12.
- Бринев К. И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М., 2016.
- Будылин С. Л. «Заведомо должен был знать»: это вообще о чем? URL: https://zakon.ru/blog/2016/12/13/zavedomo_dolzhen_byl_znat_eto_voobsche_o_chem (дата обращения: 10.02.2019).
- Бурцева В. В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М., 2005.
- Воробьева М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании: на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка. Автореф. ... диссертации канд. филол. наук. Кемерово. 2014.
- Голев Н. Д. О взаимодействии русской общенародной лексики и юридической терминологии в аспекте их юридизации и деюридизации / Динамика языковых и культурных процессов в современной России. - 2018. - № 6. - С. 141-146.
- Голев Н. Д. Язык закона и лингвистическая экспертиза законопроекта в свете правовой коммуникации / Динамика языковых и культурных процессов в современной России. - 2016. - №5. - С. 132-136.
- Голиков Л. М., Дружининская О. В. Формы долженствования в пенитенциарной инструкции XIX века / Научный диалог. - 2019. - № 9. - С. 9–23. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23.
- Горбатов К. А. К вопросу о добросовестности при оспаривании сделки по ст. 174 ГК РФ / Адвокат. - 2011. - № 1. - С. 40-43.
- Донскова Ю. В., Попова И. В. К вопросу о лингвистической экспертизе финансовых документов и использования в них переводной терминологии (на примере терминов «публикация» и «раскрытие») / Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. - 2017. - Вып. 3 (774). С.163-171.

- Карпатов А. Г.* Проблемные вопросы применения ст. 174 ГК РФ / Вестник гражданского права. - 2018. - №1. - С. 86-147.
- Кашанина Т. В.* Юридическая техника. М., 2011.
- Кобозева И. М., Лауфер И. Н.* Семантика модальных предикатов долженствования / Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Маркова А. Н.* Проблема юридизации естественного языка в современной лингвистике / Философия права. - 2015. - № 1. - С. 86-89.
- Мирошников Е. Г.* Ясность и точность как требования к языку закона / Проблемы юридической техники : Сборник статей. Н. Новгород, 2000. С. 212-220.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное / под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. Москва; Вена, 2004.
- «О государственном языке Российской Федерации». Российская газета – Федеральный выпуск № 0(3789). 7 июня 2005 г. URL: <https://rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html> (дата обращения: 20.10.2021).
- Падучева Е. В.* Модальность. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2014. rusgram.ru – Электронный ресурс: [Режим доступа — свободный].
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25. Российская газета – Федеральный выпуск. 30 июня 2015 г. № 140(6711). URL: <https://rg.ru/2015/06/30/grkodeks-dok.html> (дата обращения: 20.10.2021).
- Постановления Государственной Думы ФС РФ от 22.01.1998 №2134-II ГД (ред. от 24.07.2018) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». URL: <http://duma.gov.ru/media/files/7Yh7Q0KU4D7oknJkHhAEc0fGIP8Gn6Uz.pdf> (дата обращения: 20.10.2021).
- Серебренникова А. В.* Проблемы, связанные с унификацией терминологии при переводе юридических текстов / Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. - 2017. - Вып. 2 (773). - С.163-170.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. (МАС). 4-е изд., стер. М., 1999. Т. 1. А-Й.
- Туганова С. В.* Деонтическое значение модального вспомогательного слова «должен»/ «must» в русских и английских прескриптивных текстах / Филология и культура. - 2018. - №4 (54). - С. 88-95.
- Штефан Д. В.* Определение добросовестности при применении п. 1 ст. 174 ГК РФ / Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2019. - № 3. - С. 146-175.
- Code of Federal Regulations Title 20, Employees' Benefits, Parts 400-499, 2016. Paperback. Office of The Federal Register (U.S.) U.S. Government Printing Office. April 1, 2016.
- Sefton-Green R.* (ed.). Mistake, Fraud and Duties to Inform in European Contract Law. Cambridge University Press. 2005.

References

- Alexandrov, A. S. (2000). Legal technique - forensic linguistics - grammar of law. Problems of legal technique: Collection of articles. N. Novgorod, 101-108 (in Russian).
- Baiditskaya, L. I., Saburova, N. A. (2015). Deontic modality and linguistic means of its representation in the code of professional ethics. Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering, 5, 105-110 (in Russian).
- Baranov, V. M. (2015). Legal technique: a course of lectures. Nizhny Novgorod (in Russian).
- Belov, S. A., Tarasova, K. V. (2019). Clarity of texts of legal documents: fiction or presumption? Bulletin of St. Petersburg University. Right, 10(4), 610-625, <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.401> (in Russian).
- Belov, V. A. (2006). To the question of bad faith of the taxpayer: Critical analysis of law enforcement practice. Moscow (in Russian).
- Berg, O. V. (2002). On certain issues of recognition of transactions as invalid. Bulletin of notarial practice, 6, 43-45 (in Russian).
- Big explanatory dictionary of the Russian language / ch. ed. S. A. Kuznetsov (2014). St.-Petersburg (in Russian).
- Brazhnik, S. D., Kasatkina, N. N. (2014). Linguistic rules in legislative technique. Legal sciences, 3, 10-12 (in Russian).
- Brinev, K. I. (2016). Handbook of forensic linguistic expertise. Moscow (in Russian).
- Budylin, S. L. (2016). "Obviously should have known": what is it about? Available from: https://zakon.ru/blog/2016/12/13/zavedomo_dolzhen_byl_znat_eto_voobsche_o_chem (date of access: 10.02.2019) (in Russian).
- Burtseva, V. V. (2005). Dictionary of adverbs and auxiliary words of the Russian language. Moscow (in Russian).
- Code of Federal Regulations Title 20, Employees' Benefits, Parts 400-499, 2016. Paperback. Office of The Federal Register (U.S.) U.S. Government Printing Office. April 1, 2016.
- Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25. Rossiyskaya Gazeta - Federal Edition. June 30, 2015 No. 140(6711). Available from: <https://rg.ru/2015/06/30/grkodeks-dok.html> (date of access: 20.10.2021) (in Russian).
- Decree of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated January 22, 1998 No. 2134-II GD (as amended on July 24, 2018) "On the Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation". Available from: <http://duma.gov.ru/media/files/7Yh7Q0KU4D7oknJkHhAEc0fGIP8Gn6Uz.pdf> (date of access: 20.10.2021) (in Russian).

- Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. research; Ed. A. P. Evgenieva. (MAS). (1999). 4th ed., ster. Moscow, T. 1 (in Russian).
- Donskova, Yu. V., Popova, I. V. (2017). On the issue of linguistic expertise of financial documents and the use of translated terminology in them (on the example of the terms "publication" and "disclosure"). Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences, 3 (774), 163-171 (in Russian).
- Golev, N. D. (2016). Language of law and linguistic expertise of the bill in the light of legal communication. Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia, 5, 132-136 (in Russian).
- Golev, N. D. (2018). On the interaction of Russian popular vocabulary and legal terminology in the aspect of their legalization and de-juridization. Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia, 6, 141-146 (in Russian).
- Golikov, L. M., Druzhininskaya, O. V. (2019). Forms of duty in the penitentiary instructions of the 19th century. Scientific dialogue, 9, 9-23, DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-9-23 (in Russian).
- Gorbatov, K. A. (2011). On the issue of good faith when challenging a transaction under Art. 174 of the Civil Code of the Russian Federation. Lawyer, 1, 40-43 (in Russian).
- Karapetov, A. G. (2018). Problematic issues of application of Art. 174 of the Civil Code of the Russian Federation. Bulletin of Civil Law, 1, 86-147 (in Russian).
- Kashanina, T. V. (2011). Legal technique. Moscow (in Russian).
- Kobozeva, I. M., Laufer, I. N. (1991). Semantics of modal predicates of obligation. Logical analysis of language. cultural concepts. Moscow (in Russian).
- Markova, A. N. (2015). The problem of legalization of natural language in modern linguistics. Philosophy of Law, 1, 86-89 (in Russian).
- Miroshnikov, E. G. (2000). Clarity and accuracy as requirements for the language of law. Problems of legal technique : Collection of articles. N. Novgorod, 212-220 (in Russian).
- New explanatory dictionary of Russian synonyms. The second edition, corrected and supplemented / under the general direction of acad. Yu. D. Apresyan. (2004). Moscow; Vienna (in Russian).
- "On the state language of the Russian Federation". Russian newspaper - Federal issue No. 0 (3789). June 7, 2005. Available from: <https://rg.ru/2005/06/07/yazyk-dok.html> (date of access: 20.10.2021) (in Russian).
- Paducheva, E. V. (2014). Modality. Materials for the project of corpus description of Russian grammar. Moscow. rusgram.ru - Electronic resource: [Access mode - free] (in Russian).
- Sefton-Green R. (ed.). Mistake, Fraud and Duties to Inform in European Contract Law. Cambridge University Press. 2005.
- Serebrennikova, A. V. (2017). Problems associated with the unification of terminology in the translation of legal texts / Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences, 2 (773), 163-170 (in Russian).
- Stefan, D. V. (2019). Determination of good faith in the application of paragraph 1 of Art. 174 of the Civil Code of the Russian Federation. Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation, 3, 146-175 (in Russian).
- Tuganova, S. V. (2018). The deontic meaning of the modal auxiliary word "should" / "must" in Russian and English prescriptive texts. Philology and Culture, 4 (54), 88-95 (in Russian).
- Vorobieva, M. E. (2014). Interpretational functioning of the legal language in everyday consciousness: based on the interpretation of legal terms by ordinary Russian speakers. Abstract ... dissertations of Ph.D. philol. sciences. Kemerovo (in Russian).

Citation:

Донскова Ю. В. Лингвистические аспекты юридической техники (на примере функционирования слова «заведомо» и конструкции «знал или должен был знать» в Гражданском кодексе РФ) // Юрислингвистика. – 2023. – 28. – С. 54-61.

Donskova Y. V. (2023). Linguistic Aspects of Legal Writing (Case Study of the Word "Zavedomo" and Phrase "Znal ili Dolzhen Byl Znat" in the Civil Code of the Russian Federation). Legal Linguistics, 28, 54-61.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License